

НОВОВЪИ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Издается с января 1925 г.

№ 4 (1164)

Апрель, 2022 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СВЕТЛАНА КЕКОВА — <i>Незаходимый день</i> , стихи	3
МАРИЯ БОТЕВА — <i>Люба земля. Написано каллиграфически</i>	10
ДМИТРИЙ ПОЛИЩУК — <i>Моё лицо переползает стрекоза</i> , стихи	26
ГРИГОРИЙ ВОЛКОВ — <i>Два озера</i> , повесть	30
ВАДИМ ЖУК — <i>Кончился ветер</i> , стихи	66
АРТЕМ НОВИЧЕНКОВ — <i>Песни Харона</i> , рассказ	71
ДАНИЛА КРЫЛОВ — <i>Над линией абсцисс</i> , стихи	90
ВЛАДИМИР ВАРАВА — <i>Из цикла «Новые некроторреалистические истории»</i>	94
КАЛЛЕ КАСПЕР — <i>В людском горниле</i> . Из стихотворений, написанных на русском языке. Из стихотворений, переведенных с эстонского языка Алексеем Пуриным	117
АЛЕКСЕЙ АЛЁХИН — <i>Примерка на себя</i> . Записные книжечки	125

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ДУ ФУ (712 — 770) — <i>Дружба с облаками</i> . Перевод с китайского и вступление Ильи Оганджанова	155
---	-----

ФИЛОСОФИЯ. ИСТОРИЯ. ПОЛИТИКА

ТАТЬЯНА КАСАТКИНА — « <i>Un chevalier parfait!</i> » О соотношении христианской и гностической философии в творчестве Достоевского	159
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

АННА СЕРГЕЕВА-КЛЯТИС — <i>Есенин в дневниках Константина Локса</i>	166
--	-----

ЮБИЛЕЙ

КОНКУРС ЭССЕ К 140-ЛЕТИЮ КОРНЕЯ ЧУКОВСКОГО:

Иван Образцов. Сатори для Федоры; **Александр Костерев.** «Прощай, мое вдохновенье!», или Ода английскому шиллингу; **Елена Кудрина.** Неосуществленные замыслы; **Василий Супрун.** Ласковые имена в жизни и творчестве Корнея Чуковского; **Татьяна Зверева.** К. Чуковский в фокусе двойного взгляда; **Евгений Кремчуков.** Совершенная мистерия о Мухе-цокотухе; **Никита Тимофеев.** Уходящий свет;

(См. на обороте)

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

Наталья Нагорнова. Расписание от Чуковского; Игорь Сухих. «Мой Чехов» Чуковского (1905 — 1969); Илья Александров. Возвращение Федоры — возвращение посуды; Филипп Хорват. Судьба «военного» Айболита; Павел Крючков. Вместо послесловия, или Праздник Благодарения. Вступительное слово Владимира Губайловского	171
---	-----

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Ася Михеева. Геоапофения (Александр Иличевский. Исландия)	196
Александр Климов-Южин. (Не)мелочи жизни (Ирина Ермакова. Легче легкого)	198
Андрей Левкин. И ведь никто не хотел / Но мы здесь (Федор Сваровский. Беспорядок в саванне)	202
Ольга Бугославская. На второй круг (Моника Блэк. Земля, одержимая демонами: ведьмы, целители и призраки прошлого в послевоенной Германии)	206
<hr/>	
КНИЖНАЯ ПОЛКА АЛЕКСАНДРА МАРКОВА	209
СЕРИАЛЫ С ИРИНОЙ СВЕТЛОВОЙ	216
МАРИЯ ГАЛИНА: HYPERFICTION	220

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ

Книги: выбор Сергея Костырко	224
Периодика (составитель Андрей Василевский)	227
SUMMARY	240

В 2022 году физические лица могут подписаться на журнал в редакции с любого месяца по цене 350 руб. за 1 экз; стоимость подписки на полугодие 2100 руб. (для РФ)

Подписка оформляется напрямую в редакции, где вы можете воспользоваться льготными предложениями и выбрать любые номера, включая те, на которые подписка на почте не оформляется.

Для оформления подписки через редакцию нужно сделать заказ по электронной почте или по факсу. В заявке следует указать:

- Ф.И.О.; точный почтовый адрес (с обязательным указанием почтового индекса)
- контактные телефоны, факс или адрес электронной почты (для отправки счета)

После оплаты вы будете получать журналы почтовой бандеролью по мере их выхода из печати. По желанию подписчика возможно получение журналов в редакции.

Тел./факс: 7 (495) 650-62-13 / 7 (495) 694-08-29

Эл. почта: zakaznovimir@mail.ru / Сайт: nm1925.ru

Купить подписку на журнал «Новый мир» также можно на сайте Объединенного каталога «Пресса России»:
http://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/y_e70636/

или в электронном каталоге «Почты России»:
<https://podpiska.pochta.ru/press/ПН379>

В 2022 году «Новый мир» выходит при поддержке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Татьяна Зверева, доктор филологических наук, профессор Удмуртского государственного университета. Ижевск.

К. ЧУКОВСКИЙ В ФОКУСЕ ДВОЙНОГО ВЗГЛЯДА

Быть может, четверым детям Корня Чуковского судьба отводила роль евангелистов — именно им было суждено написать историю их необыкновенного отца. Но боги завистливы, а Большая история безжалостна — крошечный Эдем в Куоккале рухнет под ветрами революционных перемен, а из четверых детей с патриархом детской литературы останется лишь Лидия Чуковская. Мария-Мура на руках у родителей умрет от тяжелой болезни, Борис-Боб канет без вести на фронтах Великой Отечественной войны, а Николай-Коля уйдет из этой жизни во сне, оставив после себя большое литературное наследство. Теплота семейной атмосферы по-своему будет хранить этих — очень разных — людей. Отец стал Сталкером, который привел всех своих детей в мир русской культуры XX века, ставшим для них колыбелью.

Только двое из четверых оставят свои воспоминания об отце. Свидетельства Лидии и Николая Чуковских интересны в своей парности — это два взгляда на детство, два восприятия прошлого, растворившегося в дымке Былого. У нас нет возможности (да мы и не вправе) судить о реальных семейных отношениях, поскольку прошлое уклончиво и обманчиво, а вымысел всегда подлиннее реальности. Так, вопреки творимому Лидией Корнеевной мифу косвенные свидетельства указывают на то, что ее восприятие отца было разным, не всегда таким, каким она показывает его в «Памяти детства». Поэтому более важно, как Лидия и Николай творчески переосмысливают действительность, какой миф они конструируют о Корнее Чуковском.

В «Памяти детства» Лидии Чуковской отец занимает присущее детскому взгляду место Творца. Он — Первочеловек. Он — мера всех вещей — им измеряется мир. Он — первородная тьма/утроба, спасающая от зимней стужи. Он — человек-Книга, и звучание исполняемых им стихов покоряет морскую стихию: «— Зыбь ты великая! Зыбь ты морская! — начинал он, закидывая весла и чуть-чуть раскачиваясь. — Чей это праздник так празднуешь ты?

Волны несутся, гремя и сверкая,

Чуткие звезды горят с высоты».

Сквозь многочисленные характеристики прорывается дочерняя замороженная отцом (мать почти не фигурирует в воспоминаниях).

«Он награжден каким-то вечным детством», — эти ахматовские строчки о Пастернаке легко можно переадресовать Корнею Чуковскому. Он охотно играл со своими детьми (в шахматы и шашки, палочку-выручалочку, снежки, смешные переводы с английского, песчаные замки и крепости, «кучу-малу», перегонки, «Царя Пузана», стихи и загадки...). «Счастье, счастье, счастье...» — пишет о своем детстве Лидия Чуковская. Да, Корнею Чуковскому удалось создать для своих детей «Элизий земной», омываемый «морем и стихами», «стихами и морем»...

Однако за радостью светлого дня почти всегда стояли темные бессонные ночи. Бессонница была мучительной; по признанию самого Чуковского, он бегал по комнате и «выл часами» от невозможности уснуть. И свою миссию по отношению к отцу Лида рано начинает осознавать как жертвенную. Чуковский легче засыпает под чтение книг, и она на ночь подолгу читает ему книги. Они с удовольствием меняются ролями — отец играет роль избалованного ребенка, Лида — роль взрослой, заботящейся о своем неразумном дитяте. Впрочем, именно это игра определяет реальные отношения дочери и отца — дочь всегда сочувствовала «странностям» Корнея Чуковского, прощала и оправдывала их. В своей дальнейшей жизни Лидия Корнеевна всегда будет занимать вот эту — уготованную ей в детстве позицию Свидетеля и Служителя. Исток главного ее труда — будущих «Записок об Анной Ахматовой» — в куоккальских ночных бдениях. Здесь закладывается бесконечное терпение по отношению к тому, кто выше и талантливее тебя.

Николай Чуковский мемуаров об отце не оставил. Его «Литературные воспоминания» включают множество имен — А. Блока, Н. Гумилева, О. Мандельштама, К. Вагинова, Н. Заболоцкого, Е. Шварца, Ю. Тынянова и пр. — за исключением имени самого главного человека в его жизни. В этих воспоминаниях отец — фигура отсутствия («минус-прием», как выразились бы структуралисты). Если Лидии Чуковской важно сказать о первостепенности отца в ее жизни, то писательская стратегия Николая Чуковского противоположна — он почти не говорит о семье. Безусловно, именно отец распахнул для него мир русской культуры. В. Маяковский, В. Каменский, И. Репин, Л. Андреев, Ф. Шалапин и пр. — окружение отца, которое было настолько естественным и обыденным, что не воспринималось детьми в качестве особенного. Знаменитый очерк «Я видел Блока» начинается с эпизода, когда семилетний Коля видит высокого человека, «в мокром от дождя макинтоше». «Когда мы остались одни, папа сказал мне:

— Это поэт Блок. Он совершенно пьян».

Но очень рано старший сын начинает утверждать собственное право на пребывание в пространстве культуры. Ему важны свои оценки, свои впечатления, свои суждения. С чем это связано? В отличие от Лиды у Коли с детства было узаконенное отцом «право мечтать», т. е. находиться в собственных мирах (впоследствии «морские мечтания» найдут свое воплощение в «морских романах»). Открытая отцом связь «стихий и стихов» навсегда запечатлется в творческой душе сына.

Впрочем, несмотря на сочувствие к творческой натуре Коли, отец им чаще недоволен — в своем сыне он хотел бы видеть даже не продолжение себя, а, как это часто бывает, «лучшего себя». С редким занудством и назидательностью Чуковский пытается направлять жизнь Коли: «Ни разу не было, чтобы ты сам, своей волей, захотел узнать, наконец, как следует этот язык, которым я стал заниматься в 17 лет, один, без учителей, без учебников, без всякой поддержки. Да я на твоём месте проглотил бы в одно лето всего Шекспира, Байрона, Мура, Браунинга...» В отличие от брата и сестер Николай с детства претендовал на роль Поэта. Эти юношеские притязания подчас не венчались успехом (вспомним убийственный отзыв О. Мандельштама, которому он читает свои стихи: «Каким гуттаперчевым голосом эти стихи ни читай, они все равно плохие»). Известность отца в литературных кругах, его слава критика, переводчика, а впоследствии и детского писателя могли, пусть даже неосознанно, мешать сыну. Отношения внутри этой большей семьи всегда отличались теплотой и доброжелательностью, но в качестве значимых для собственной судьбы лиц Николай определяет — М. Волошина, К. Вагинова, Е. Шварца, Н. Заболоцкого. А отец... Отец присутствует, но в качестве фона, на котором еще ярче выписываются портреты других.

Время по-своему распорядилось посмертными судьбами детей Корнея Чуковского. Чем далее, тем более имя Николая Чуковского растворяется в дымке прошлого, становясь знаком ушедшей эпохи. Имя Лидии Чуковской, дожившей до времен «перестройки и гласности», оставившей «Записки об Анне Ахматовой» и «Софью Петровну», по-прежнему прочно вписано в контекст русской культуры XX в. А за детьми стоит неугасимая слава их отца, удостоенного главной награды богов, — детей, продолживших поэтическое дело, обретших подлинную «религию в 66 сонете Шекспира».

Евгений Кремчуков, поэт. Чебоксары.

СОВЕРШЕННАЯ МИСТЕРИЯ О МУХЕ-ЦОКОТУХЕ

Необычайно жарким и душным днем 29 августа 1923 года «в раскаленном, как печь, Петрограде» Корней Чуковский возвращался Невским проспектом в свою пустую — поскольку семья еще не приехала с загородной дачи — квартиру